

14.03.94

телецентр

Эдвард Радзинский на бис готовит продолжение телецикла об Иосифе Сталине. Премьера состоится на днях. Впрочем, разговор с Эдвардом Станиславовичем пойдет сегодня не только о дядюшке Джо...

- Эдвард Станиславович, если дальше так пойдет, то из театрального драматурга и элитарного писателя вы скоро заделаетесь «звездой» телеэкрана.

- Ну что вы, весь мой облик - типичная «антизвезда». «Звездой» оказалась История. В январе журнал «ТВ-парк» опубликовал рейтинг самых популярных передач 1996 года. Мои исторические программы «Загадки истории» и четырехсерийный фильм о Сталине заняли первые места в своих категориях. Более того, рейтинг сталинского цикла равен почти двадцати одному проценту. У «Часа пика», «Итогов», «Взгляда», «Темы» - существенно меньше. Даже у шоу «Угадай мелодию» - только шестнадцать с половиной процентов...

- Вы ожидали подобного результата?

- «Загадки истории» намеренно называли «передачей для умников». Вероятно, предполагая будущее телевидения как чарующую череду развлека-

тельных шоу, мою программу даже попытались вообще ликвидировать. Но количество умных в стране оказалось больше, чем планировалось, и передача защитила себя своим рейтингом. Я только хотел рассказать о том, что мне казалось важным. Это забавно совпало с конъюнктурой и подтвердило много раз проверенный - и не только мною! - парадокс: вы угадаете конъюнктуру тем точнее, чем меньше будете о ней думать. У вас должна быть в жизни миссия - все остальное приложится и само придет.

- И в чем же заключается ваша миссия?

- Я с удовольствием повторю, ибо это важно: я занимаюсь только тем, что МЕНЯ волнует. Удача меня не занимает. Возможно, потому, что она часто у меня была. Так было, когда я работал в театре, так осталось и теперь.

- Под театральными улачами вы, Эдвард Станиславович, понимаете пьесу «104 страницы

У меня нет и не было ни большой квартиры, ни загородной дачи. Не потому, что не мог купить, а просто не интересовался этим и делал что хочу: писал, ни на что не отвлекаясь. Так я жил.

про любовь», которая одновременно шла в ста двадцати пяти театрах страны?

- Если бы «104 страницы» поставили только в одном театре или не поставили совсем (как было с моими первыми пьесами), я все равно был бы удовлетворен, ибо мне важно было только написать пьесу - ВЫСКАЗАТЬСЯ. Все остальное - подарок судьбы. Действительно, эта пьеса имела оглушительный успех - успех даже немного опасный для молодого драматурга. По пьесе был снят фильм, поставлен балет, написана опера...

ев, Басилашвили, Борисов... А сколько замечательных имен я не назвал! Провинция меня не ставила не только из-за того, что это «не рекомендовали» власти. Написанное провинциальных режиссеров не интересовало - они считали, что эти пьесы для московской интеллигенции. Возможно, они были правы.

Впрочем, постановки в областных театрах и меня мало волновали. Я не очень верил (думаю, несправедливо) в художественную мощь провинции. Да, постановка во многих театрах давала тогда большие день-

- Надеюсь, музыку не вы сочиняли?

- К счастью для музыки. Но в Венгрии и Чехословакии пьеса шла как мюзикл. «104 страницы» ставились тогда и на Западе, что по тем временам случилось весьма нечасто. Правда, сие событие имело несколько неожиданный результат - на какой-то период меня перестали выпускать за границу. Но «104 страницы» - мой первый и последний всесоюзный успех. Потом были мои спектакли в Москве, но в провинции меня уже не играли. Поставленная Анатолием Эфросом пьеса «Снимается кино» не перешагнула пределов Садового кольца. Как, впрочем, и «Оболститель Колобашкин», которого тоже играли в одном театре. Затем эту участь повторили «Она в отсутствии любви и смерти», «Беседы с Сократом», «Лунин»... Можно долго продолжать. Я написал много пьес - они шли в основном в Москве.

- Вы жалуетесь, что вас не принимала провинция?

- Что вы! Это такое счастье, когда тебя ставят - да еще в столице! И когда тебя играют такие актеры - Дороница, Гурченко, Догилева, Джигарханян, Самойлов, Миронов, Гафт, Дуров, Гундарева, Меньшиков, Шакуров, Ширвиндт, Толубе-

ги. Но я очень узкий, замкнутый в своем мире человек. Поэтому и мои материальные потребности всегда были максимально ограничены - у меня нет и не было ни большой квартиры, ни загородной дачи. Не потому, что не мог купить, а просто не интересовался этим и делал что хочу: писал, ни на что не отвлекаясь. Так я жил.

Иногда мои пьесы ставили, иногда их снимали. И это тоже справедливо - было за что. С другой стороны, никому в голову не приходило звать меня, допустить, вступить в партию или занять руководящий пост в творческом союзе. И в результате я обогатился и без правительственных наград, и без каких бы то ни было премий. Мне вполне хватает собственного суда.

- Но, наверное, вы все же судите себя по наиболее значимым работам?

- То, что уже случилось со мной, мало меня интересует. Я следую правилу: никогда не думать о прошлых достижениях и о возможных будущих неприятностях - не расклинаюсь горем, пока оно за углом.

Пожалуй, только два эпизода я иногда все-таки вспоминаю. Помню огромную толпу на премьере «Бесед с Сократом» в Театре имени Маяковского. Спектакль репетировался шесть лет - его не разрешали. Даже Джигарханян, который поначалу был слишком молод для роли Сократа, успел достичь нужного возраста. Да, эту постановку можно назвать успехом. А что творилось в театре, когда Эфрос выпускал «Снимается кино»? Не забуду лежащего на кушетке Катаева - его забила толпа, рвавшаяся в театр. Я сам с трудом протиснулся сквозь строй дружинок, охранявших служебный вход.

- Катаев - это который?

- Катаев - один. Валентин Петрович - блестящий стилист и, в какой-то мере, отец тогдашней молодой прозы.

На премьере пришли все - от Виктора Шкловского до Сергея Герасимова, от Ивана Пырьева до Сергея Бондарчука. Был весь цвет, пожалуй, только Эйзенштейн, Довженко и Пушкин отсутствовали. Эфрос поставил поразительный спектакль, эстетика которого оказалась влиянием на целое поколение молодых режиссеров.

ПЯТНИЧНЫЕ БЕСЕДЫ АНДРЕЯ ВАНДЕНКО

Комс. правда - 1997 - 14 марта - 08

Эдвард РАДЗИНСКИЙ:

ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ...

Вообще Анатолий Васильевич был удивительным человеком, он никогда не мог руководствоваться «нужным». Единственным велением для него служило искусство. Думаю, у нас с ним были... как бы это сказать?... одинаковые нервы, хотя люди мы не только разные, но и метрал... напротив... Вне театра мы совершенно скушали в обществе друг друга. Впрочем, это не помешало Эфросу поставить пять спектаклей по моим пьесам. Но некоторые давались трудно, мучительно. Например, «Продолжение Дон Жуана».

- Там ведь, кажется, должен был играть Олег Даль?

- Изначально предполагалось, что это роль для Смоктуновского. Не получилось. Тогда

я стал репетировать Даль. Вышел странный, мистический спектакль. Но перед премьерой Даль ушел из театра. Это был чудовищный удар. И тот замысел погиб. Но Эфрос придумал другое решение «Дон Жуана» - с Андреем Мироновым и Львом Дуровым. Спектакль превратился в трагифарс - почти в клоунду.

Дирекция знаменитого Мюнхенского театрального фестиваля предложила нам открыть «Дон Жуана» очередей фестивалю. Это являлось событием, поскольку в то время Советский Союз находился в изоляции из-за войны в Афганистане. Но один из руководителей нашего Министрства культуры задал потрясающий вопрос: тот ли это спектакль, который нужно возить в Мюнхен? Этот безумец

хотел руководить даже немецким фестивалем! В результате нам запретили поездку в Германию. Фестиваль, конечно, состоялся, но теперь он открылся антисоветской постановкой...

- Мы разобрались, что вы всегда были успешным драматургом - пусть и с некоторыми оговорками. Что же заставило вас переключиться с театра на документальную прозу, а затем и на телевидение?

- Сталиным и Николаем II я занялся не вчера, а еще в семидесятые годы. Правда, тогда я не рассчитывал опубликовать написанное, но часто подбаливал себя знаменитой цитатой: «Меж тем отшельник в жалкой келье здесь на тебя донос ужасный пишет, и не уйдешь ты от суда мирского, как

Эдвард с Жаклин Кеннеди.

не уйдешь от Божьего суда».

А потом началась перестройка. До этого театр служил властителем дум, ибо по сути являлся прежде всего политическим театром. Это была единственная гласность - гласность в темноте: только в темноте зрительного зала люди могли радостно аплодировать острому репликам... С перестройкой политика стала уделом газетных статей, а театр снова должен был превратиться в искусство. Это не могло случиться сразу, я же не жал и придумал для себя собственный театр, где я - актер, режиссер, автор. Так в моей жизни появилось телевидение, которым и поныне занимаюсь. Началось все с четырехсерийного «Театрального романа», в котором я рассказывал свою жизнь в театре, изредка перемежая повество-

вание фрагментами из своих спектаклей. В той передаче я опробовал многое из того, что делаю сейчас. Потом я перешел к рассказам на исторические темы - княжна Тараканова, Казанова, Чаадаев, Распутин, Моцарт... Фактически это маленькие пьесы.

- Вы заранее пишете сценарии?

- Если я это буду делать, меня не станут смотреть. В том и прелесть, что я должен импровизировать. Еще в «Театральном романе» я оценил силу импровизации. Ты думаешь на глазах зрителей, и твои волнения как бы переходят к аудитории. Самое же главное и, пожалуй, таинственное в этом процессе то, что перед тобой вдруг воочию возникают рассказываемые картины. Мне все равно, о ком рассказывать, - о малом Помпадур или о Людовике XV, о Наполеоне или о монахе Диего де Ланда. Я не открываю заново книжки, просто все вспоминаю.

- Чтобы помнить, нужно знать.

- Надо читать книжки в юности. И много. Лучше научиться читать абзацами. Это хорошее чтение - правда, людям иногда кажется, что я проматываю толстенные тома, а я так читаю...

- Вернемся к телевидению. Вы в исторический телепоход пустились, чтобы в итоге сделать цикл о Сталине?

- Нет. Фильм об Иосифе Виссарионовиче я как раз не стремился снимать - у меня ведь уже была написана книга...

- Не хотелось переживать переживания?

- Неточно. У меня - масса материала: восемьсот страниц текста. И, наверное, столько же не поместилось в книгу. Так что дело не в повторе. Проблема состояла в другом: как рассказать о Сталине в четырех жалких передачах? Ведь с 1917 года сначала история нашей страны стала историей партии, а потом история партии превратилась в историю Сталина. Поэтому я вынужден был продолжить рассказ. 10 марта начинается показ моего нового цикла телепередач о Сталине.

- Вам бывает страшно наедине с Иосифом Виссарионовичем?

- Понимаете, я уверен, что Сталин, как, кстати, и Наполеон, очень удивился бы, узнав, что его называют тираном. Бонапарт однажды сказал: «Зло извинительно, если оно необходимо». Эти люди жили сообразно подобной морали. Рассказ о Сталине я начал с момента его рождения. Мне хотелось проследить всю жизнь

- Кстати, это правда, что вашу книгу, изданную в США, редактировала Жаклин Кеннеди?

- Да, у вас за спиной фотография, на которой мы сняты вместе. Это 90-й год. Жаклин была замечательным редактором. Она неукоснительно выполняла мое единственное, но главное условие: я настаивал, чтобы моя книга в Штатах вы-

Вся моя книга - это соревнование со Сталиным, попытка решать эти его загадки. Вождем беспощадно пропалывал архивы. И все же я нашел кое-что... кое-что...

этого человека, чтобы выявить его логику. Это очень сложная, интересная и страшная личность. Скажем, Николай II - человек очаровательный, но он... так понятен, так прозрачны все его поступки. Каждый же поступок Сталина - интереснейшая загадка. Так что Иосифом Виссарионовичем я готов заниматься бесконечно. Он окружил свою жизнь непроницаемой тайной. Вся моя книга - это соревнование со Сталиным, попытка решить эти его загадки. Вождем беспощадно пропалывал архивы. И все же я нашел кое-что... кое-что...

- У вас были основания для личных обид на Сталина?

- Никаких. Отца периодически вызывали в соответствующие инстанции как бывшего кадета и экс-кандидата в члены Учредительного собрания, но папа работал с Петром Павленко, одним из главных сталинских писателей, поэтому отца не трогали. Но если бы что-то случилось с Павленко, конечно, тогда автоматически сел бы и отец. Он постоянно жил с сознанием возможности ареста, однако это не отравило его души. Это был человек другой эпохи. Отец думал по-французски, а мог бы думать это и по-немецки, и по-английски, и по-гречески - он в совершенстве знал языки... Отец смотрел на мир с улыбкой. Его девизом было: ирония и сострадание. Кстати, отец очень хотел, чтобы я написал о Сталине. Так что я выполнил эту волю.

шла без купюр - все 632 страницы. Жаклин сдержала слово, сократив только полторы странички, где я особенно резко изложил Великую французскую революцию. Все-таки в Жаклин была французская кровь...

- А как дело обстояло с Николаем II? Может, весь смысл вашей работы заключен в ее названии: «Господи, спаси и усмири Россию»?

- Понимаете, мне кажется, что на первом этапе люди обращались к теме гибели царской семьи с единственной целью - показать зверство большевиков. Но это не может быть вечной темой. В конце концов в годы гражданской войны только то и делали, что истребляли целыми семьями, растаптали человеческими телами паровозные топки, шли из кожи перчатки - в этом преуспели обе стороны. Подвалы ЧК мало чем отличались от застенков белогвардейской контрразведки.

Для меня в истории царской семьи важнее другое - тема Прощения. Перед самым убийством царь успел сказать главное: «Прости им, ибо не ведают, что творят». Государь просил не мстить... И это стихотворение в книжке великой княжны Ольги: «И у предвечия могилы вдохни в уста твоих рабов нечеловеческие силы молиться кротко за врагов». Поэтому царская семья вернулась сегодня в Россию, поэтому у Николая II такая потрясающая посмертная судьба. Из жалкого царя, каким он когда-то был в глазах интеллиген-

ции, из презренного Николашки, ради спасения которого никто не организовал и единственного заговора, он стал теперь одним из наиболее почитаемых правителей двадцатого столетия.

- Кстати, почему вы пишете «усмири Россию»? У Николая Романова ведь было «умири».

- Согласитесь, разница принципиальная. Вы знаете, что я первым опубликовал практически все главные источники об убийстве царской семьи, начиная с записки Юровского и заканчивая показаниями Ермакова, Стрекотина и прочих убийц. Я все публиковал точно. Так что вряд ли можно представить, будто я не проверил фразу, которую поставил в заглавие. Нет, это сделано мной намеренно. Причем только в русском издании. (В США, Англии и прочих странах я назвал книгу «Последний царь»). Почему я решил так поступить - этому будет посвящена моя отдельная телепередача.

- То, что в спектакле «Последний день последнего царя» вы заставили Михаила Ульянова, неоднократно изображавшего Ульянова-Ленина, перевоплотиться в Юровского, убийцу Николая II, - это тоже хитрый замысел?

- Мне показалось, что Михаил Александрович немного переиграл Жуковых, и я захотел показать всем, какой это замечательный характерный актер.

...Сейчас я пишу новую книгу об этом загадочном времени - о падении династии Романовых. Мне поларии более четырехсот страниц совершенно новых и фантастически интересных документов. На знаменитом западном аукционе их купил специально для меня - как подарок за прошлые мои сочинения - один из известных коллекционеров. Это уникальные материалы...

Какая опасная тема - царская семья! Я часто вспоминаю слова, которые мне когда-то сказал старый, мудрый человек: «Запомните - войти в эту тему легко, а выйти - невозможно». Похоже, старик оказался прав. Впрочем, мое возвращение к Романовым - в будущем. А пока я ожидаю выпуска книги о Сталине в России...

Фото из журнала «Домовой».

Фото у знамени одной шестой части.

Радзинский